

Гу Шаобай, размахивая руками и говоря без остановки, услышав сомнения, сразу же обиделся:

— Люнянь, ты неблагодарный! Это я из своих сбережений для тебя выделил, а ты так говоришь, мне очень больно, понимаешь?

Цзи Цзяньчэнь уже некоторое время стоял рядом с Му Люнянем и наконец произнёс:

— Я слышал от Сыту Хая, что в Байюэ действительно есть такое чудодейственное лекарство. Говорят, оно может воскрешать мёртвых и сращивать кости. Но это всего лишь легенда.

Гу Шаобай, с горящей головой, возразил:

— Цзи Цзяньчэнь, если не видел, так и скажи. Какая легенда? Это правда! Когда я отравился, именно это спасло мне жизнь...

Увидев, как глаза Цзи Цзяньчэня широко раскрылись, Гу Шаобай сразу понял, что проговорился.

Цзи Цзяньчэнь шагнул вперёд и схватил его за запястье:

— Какое отравление? Когда это было?

Гу Шаобай, испугавшись его хищного взгляда, отступил на шаг, пытаясь высвободить руку, но Цзи Цзяньчэнь, несмотря на внешнюю хрупкость, был невероятно силен, его пальцы словно клещи.

Второй рукой Гу Шаобай попытался разжать захват, улыбаясь:

— Да где я мог отравиться? Это просто болтовня. Такие опасные вещи случаются только с вами, людьми из мира боевых искусств... Я же всего лишь беззащитный учёный, кому нужно меня травить? Это же пустая трата...

Глаза Цзи Цзяньчэня горели, словно два огненных шипа, готовые прожечь дыру в теле Гу Шаобая. Тот беспокойно смотрел по сторонам, не зная, куда деть взгляд, чувствуя, что в радиусе метра от Цзи Цзяньчэня всё пылает, готовое сжечь его за ложь.

Через несколько мгновений запястье заболело так, будто его вывихнули. Гу Шаобай стиснул зубы, не решаясь закричать, пока тот, наконец, не отпустил его, сменив тон на безразличный:

— Ты сам знаешь, что беззащитен, так зачем же всё время бегать за другими, словно живой щит?

Гу Шаобай понимал, что Цзи Цзяньчэнь всё ещё переживал из-за его ранения в саду Цзэнин, и решил просто отшутиться, сменив тему:

— Люнянь, ты всё-таки будешь это есть? Если нет, отдай мне, может, продам за 10 000 золотых!

Му Люнянь, конечно, знал, что Гу Шаобай искренне заботился о нём, и его слова были лишь шуткой. Не говоря больше ни слова, он проглотил лекарство, запив горячей водой.

После ужина Гу Шаобай не стал задерживаться и отправился домой. Гу Цзюньсюань и Гу Цинбай уже вернулись, и, к счастью, до их возвращения Му Цинфэн через Чжоу Пина передал ему новости: министр юстиции Лю Цзыцин выяснил, что Гу Синьбай действительно

невиновен.

Чиновник, умерший в тюрьме, перед смертью передал своей любовнице, работавшей в публичном доме, большое количество серебра, сказав, что скоро выкупит её и уедет жить счастливо. Видимо, его подкупили, чтобы оклеветать Гу Синьбая.

Чиновник, назначенный императором, освободил Гу Синьбая и восстановил его в должности.

Но кто его оклеветал, с какой целью и кто его отравил, ещё предстояло выяснить.

Хотя Гу Синьбая освободили, Гу Шаобая пришлось несладко. За то, что он скрыл информацию, отец заставил его провести всю ночь на коленях в семейном храме, чуть не сломав ноги.

После отъезда Гу Шаобая Цзи Цзяньчэнь настоял на том, чтобы вместе с Фан Цинчи подняться на крышу и пить вино под луной.

Они сидели рядом на коньке крыши, каждый с кувшином вина, и вскоре половина вина была выпита.

Цзи Цзяньчэнь, глядя на луну, продекламировал стихи:

*

В трезвости мы вместе радуемся,

В пьянстве расходимся.

Навеки заключим бесстрастную дружбу,

Встречаясь в облаках.

*

Дойдя до последних строк, он горько усмехнулся, поднял кувшин и сделал несколько больших глотков, поперхнувшись и закашлявшись.

Фан Цинчи спокойно смотрел на него:

— Старший брат, ты любишь Гу Шаобая, да?

Цзи Цзяньчэнь на мгновение замер, затем швырнул пустой кувшин во двор и рассмеялся:

— Сяо Фан, ты думаешь, все такие же влюбчивые, как ты? Я, Цзи Цзяньчэнь, прошёл через тысячи цветов, но ни один листок ко мне не прилип.

Фан Цинчи едва слышно вздохнул:

— Тем лучше... Он кажется мягким и нежным, но на самом деле он как бамбук...

Цзи Цзяньчэнь посмотрел на него, в глазах мелькнули искорки, и он с усмешкой добавил:

— Как бы ты его ни гнул, он не сломается...

— Нет, — покачал головой Фан Цинчи. — Бамбук сгорит, но не изменит своей сути...

Искры в глазах Цзи Цзяньчэня погасли, растворившись в ночном небе.

Цзи Цзяньчэнь, опершись на одно колено, обнял себя руками. Холодный ветер пролетал между крышами, и он чувствовал, как будто его тело пронизано тысячами дыр, и ветер проникает внутрь, ледяной до мозга костей.

Заместитель министра финансов Цуй Тунчжи, сидя в паланкине, размышлял о том, что утром в управлении его начальник, министр Ван Цзянь, пригласил его на ужин к себе домой.

Если бы это было просто приглашение в ресторан, это было бы понятно. В мире чиновников такие вещи обычны. Но приглашение домой — это уже странно.

Ведь в мире чиновников существует негласное правило: если только это не свадьба или похороны, чиновники редко посещают друг друга дома, так как это может быть воспринято императором как признак сговора.

Он подумал, что это может быть по двум причинам: либо министр ценит его и хочет сделать своим преемником, либо хочет выдать за него свою дочь?

Он даже рассмеялся. В любом случае, это была неожиданная удача!

Цуй Тунчжи немного помечтал о карьере и богатстве, но затем почувствовал неладное: министр Ван был всего лишь пятидесятилетним, до отставки ещё далеко; самому Цуй было за тридцать, его жена недавно умерла, и, хотя у Ван Цзяня была незамужняя дочь, вряд ли её отдали бы ему в жёны.

От этой мысли у него выступил холодный пот, и он почувствовал недоброе предчувствие.

Холодный пот ещё не высох, как паланкин остановился. Он вышел и увидел перед собой двух незнакомцев, которые не были его носильщиками.

Один из них, суровый мужчина, резко протянул руку:

— Прощу!

Боже мой, Цуй Тунчжи понял, что дела плохи, и холодный пот превратился в капли, стекающие по лицу.

Министр финансов Ван Цзянь сидел в боковой комнате, за его спиной стояла резная ширма с изображением сосен и журавлей, символизирующих долголетие.

Цуй Тунчжи стоял на коленях, понимая, что о долголетьи речи не идёт, скорее, ему грозит смерть.

Ван Цзянь без предисловий перешёл к делу:

— Цуй Тунчжи, ты, как заместитель министра финансов, скрывал, что Гэ Чуньхуэй присваивал налоги, и неоднократно сливал маршруты перевозок Министерства финансов. Какова твоя вина?

Цуй Тунчжи дрожал как осиновый лист, сначала он отрицал всё, но когда вошёл человек, который назвал время и место его встреч с Дуань Яньчэнем, он сел на пол, понимая, что всё кончено. Оказывается, то, что он считал тайным, уже давно было известно.

— Цуй Тунчжи, я спрашиваю тебя сегодня из уважения к тебе как к коллеге. Если ты честно расскажешь всё, возможно, у тебя ещё есть шанс. В противном случае, я сейчас же передам тебя в Палату Дали, и там, под пытками, ты всё расскажешь.

Цуй Тунчжи поклонился до земли:

— Ваше превосходительство, спрашивайте, я расскажу всё, что знаю.

Ван Цзянь кивнул. Князь И был прав: мелкий жулик, который жаден до наживы, конечно, боится смерти.

— Князь, Юй Шисань сообщил, что в долине начались движения. 5 000 человек уже переоделись и направляются к столице, — едва войдя, Вэньсинь сразу же сообщила.

Му Цинфэн, хмурясь, задумался. Действительно, как только долина была обнаружена, Ван Сыдао сразу же начал действовать. Он спокойно спросил Лэн Дуна:

— Всё ли готово у Ван Сымина?

Лэн Дун ответил:

— Командир Ван просил передать, чтобы вы не волновались!

— Хорошо, — кивнул Му Цинфэн. — А как дела у Ван Цзяня?

Лэн Дун ответил:

— Всё идёт по плану!

Му Цинфэн потер уставшие глаза и махнул рукой:

— Вэньсинь, следи за Ван Сыдао, а Дуань Яньчэня поручи Цзи Цину. Все идите отдыхать, завтра рано утром во дворец!

Му Цинфэн встал и открыл окно. Он даже не заметил последний взгляд Вэньсинь, полный скрытых чувств.

Резкий холодный ветер с крупными снежинками ворвался в комнату, обдав его лицо и тело. Неожиданно пошёл снег! Первый снег этой зимы пришёл так неожиданно!

Снежинки касались его лица, тая на тёплой коже, превращаясь в холодные капли. Он вытер лицо рукой, на ладони остались крошечные кристаллы. Почему-то он вспомнил слёзы Гу Шаобая, которые сияли, как звёзды. Неожиданно он понял, что они уже много дней не виделись.